

Любимец читающей России

Евгений Салиас. Сочинения в двух томах. Том первый

Историческая проза

М., "Художественная литература", 1991

Вступительная статья, составление и комментарии Ю. Беляева

OCR Бычков М. Н.

Думается, что среди нынешних читателей, включая и книголюбов, мало кто знает имя русского писателя Евгения Андреевича Салиаса. Хотя те, кто постарше, должны помнить аккуратные, симпатичные томики собрания сочинений графа Е. А. Салиаса с буквами "ять" и "ер", и таких томиков было немало -- 33.

Но не только количеством написанного прославился Евгений Салиас. Стать самым любимым у русского читателя историческим романистом было крайне трудно, но таким титулом Евгений Андреевич мог гордиться в большей степени, чем полученным от рождения графским титулом. А Салиас был еще и живой историей русской словесности, ибо в начале XX столетия он оказался, как писал в книге "Литературный олимп" критик А. Измайлов, "последним литератором, на котором покоилось благословение Герцена и Огарева" {Измайлов А. А. Литературный олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. М., 1911, с. 417.}. Действительно, внимание этих выдающихся революционных демократов привлекла первая повесть Салиаса "Ксаня чудная", опубликованная в 1863 году в журнале "Библиотека для чтения", который тогда возглавлял А. Ф. Писемский.

В письме к матери Евгения Салиаса, известной писательнице того времени Евгении Тур, Огарев писал, что и ее и Россию можно поздравить с новым талантом. Однако несколько психологических повестей на современную тему, несмотря на их успех, стали для Евгения Салиаса лишь подступом к его основному литературному призванию -- труду исторического романиста.

В этом качестве он и полюбился читающей России того времени, в этом качестве он интересен и современному читателю, и в эпоху восстановления истинной истории отечества становится ясно, что представить русскую словесность без Салиаса -- это все равно, что представить французскую литературу без Александра Дюма-отца.

После того, как Салиас избрал стезю исторического романиста, его, читательская популярность стала увеличиваться в обратной пропорции к падению его престижа среди тенденциозной "демократической" критики, в силу своего господствующего положения сумевшей подготовить "кровавый рассвет" над Россией XX века. Отнеся Салиаса к литературе "московского направления", которая якобы "вся целиком составляет мертвый нарост самого гангренозного свойства", все эти псевдолиберальные зоилы поступили с ним так же, как в свое время с великим Лесковым и даже хуже -- сделали фигурой умолчания. Духовный мир писателя и его художественный талант никого не интересовали. Да и зачем нужно было уделять сколько-либо внимания одной писательской репутации, когда у этих, теперь уж ясно что незадачливых, адептов Виссариона Белинского приговор был готов всей "московской" патриотической школе: "Кто только вступит на почву московских тенденций, у того, будь он поэт до мозга костей, тотчас же появляется побуждение изрекать неизреченные глаголы, и он начинает целые страницы и томы наполнять мистическими резонерствами или везде начнет отыскивать врагов отечества" {Введенский А. И. Граф Е. А. Салиас -- Исторический вестник, 1890, No 8, с. 381.}.

Евгений Андреевич Салиас несомненно переживал огульное зачисление его в "квазипатриоты" или "реакционеры", особенно если учесть тот факт, что из-за участия в студенческих антиправительственных волнениях ему пришлось прервать и не закончить свою учебу в Московском университете. Однако у него хватило силы воли и принципиальности неуклонно продолжать линию беспристрастного исторического бытописателя, которая была заложена им в его самом фундаментальном и наиболее оцененном критиками произведении -- исторической эпопеи "Пугачевцы".

Вот мнение, высказанное через 15 лет после выхода ее в свет: "Роман "Пугачевцы", по общему признанию, есть лучшее произведение графа Салиаса, в котором с наибольшей силой выразились различные стороны его таланта... Дальнейшие произведения графа Салиаса уже только подводились под ранее созданное определение, основанное на этом романе" {Там же, с. 383.}. А вот что писал сразу же